

A romantic couple, a man and a woman, are shown in a close embrace, about to kiss. The man is on the left, wearing a dark jacket, and the woman is on the right, wearing a brown textured cardigan. The background is blurred, suggesting an outdoor setting.

*ВЗРОСЛЫЕ
СКАЗКИ*

*Хроника
одного
года*

Евгения П.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгения П.
ВЗРОСЛЫЕ СКАЗКИ
Хроника одного года

<https://litres.ru/74192493>

SelfPub; 2026

Аннотация

После четырнадцати лет брака женщина, разучившаяся чувствовать, встречает мужчину, который возвращает ей способность любить. Но чтобы быть с ним, ей предстоит научиться доверять снова — несмотря на страхи, ревность и сайты знакомств. Это честная история о любви после тридцати. О выборе. О решении каждый день просыпаться рядом с человеком и выбирать его снова. Несмотря ни на что. Если вы когда-нибудь любили так, что больно дышать, — эта книга для вас.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1. Машина и первое «привет»	5
ГЛАВА 2. Неделя тишины и Питерский экспромт	17
ГЛАВА 3. Запись в телефоне	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Евгения П.

ВЗРОСЛЫЕ СКАЗКИ

Хроника одного года

ПРОЛОГ

Эту историю я начала писать, когда нам было всего месяц и два дня. Я писала не ему. Я писала себе, чтобы зафиксировать момент, пока реальность не стерла эти эмоции, пока быт не съел магию. Я хотела понять: что происходит с женщиной, которая после четырнадцати лет спокойного, предсказуемого брака вдруг осознает, что влюблена до потери пульса?

Эта книга — хроника первого года. Двенадцать месяцев попыток понять, где заканчиваюсь я, где начинаешься ты, и есть ли вообще место для абсолютного доверия в мире, где мы все на расстоянии одного свайпа друг от друга.

ГЛАВА 1. Машина и первое «привет»

Я помню тот день. Помню, как собиралась на встречу — не как на свидание, а как на собеседование. Выбрала черные брюки, белую рубашку, туфли на низком каблуке. Одежда, которая говорила: *«Я серьезная женщина. У меня дети, работа, ипотека. Я не играю в игры»*.

Четырнадцать лет брака научили меня одному: мужчинам нельзя показывать, что ты в них нуждаешься. Что ты ждешь их звонка. Что ты проверяешь телефон каждые пять минут. Нужно быть занятой. Независимой. Самодостаточной.

Я посмотрела на себя в зеркало и кивнула. Всё правильно. Я готова.

Но прежде чем выйти из дома, я на минуту замерла. И вдруг вспомнила.

Это было лет семь назад. Обычный вторник. Я стояла на кухне, мыла посуду. Он сидел за столом, читал новости на

планшете. Между нами было полтора метра воздуха и целая вселенная молчания.

— Как дела на работе? — спросил он, не поднимая глаз.
— Нормально, — ответила я. — А у тебя? — Угу.

И всё. Ни одного вопроса о том, что я чувствую. Ни одного взгляда. Ни одного прикосновения. Мы были как соседи по квартире. Как два человека, которые забыли, зачем они вместе.

Я смотрела на его затылок — лысеющий, в седых волосках — и думала: *«Это всё? Это вся моя жизнь? Ещё сорок лет такой тишины?»*

Но я молчала. Потому что так было проще. Потому что я боялась перемен. Потому что я разучилась чувствовать.

А потом — спустя семь лет — я села в машину к незнакомцу. И всё вернулось.

Он приехал за мной на белом седане. Я вышла из подъезда, открыла дверь и села на пассажирское сиденье.

И тут произошло то, что я не могу объяснить до сих пор.

Он еще не произнес ни слова. Он даже не успел повернуться ко мне, чтобы сказать «привет». Но в ту секунду, когда я захлопнула дверь и оказалась внутри его машины, внутри меня что-то щелкнуло. Будто кто-то щелкнул выключателем в темной комнате, и всё вдруг стало видно.

Я посмотрела на него. Он повернул голову. Наши взгляды встретились.

И я поняла.

Не разумом. Не логикой. Не опытом. Я поняла всем телом, каждой клеткой, каждым нервом: это он. Это тот самый. Тот, которого я ждала все эти годы, даже не зная, что жду.

— Поехали? — наконец сказал он. Его голос был низким, с легкой хрипотцой.

Я кивнула. Не могла выдать ни звука.

Это была любовь с первого взгляда. Та самая, в которую взрослые люди не верят. Та самая, о которой снимают кино, но которую никогда не показывают в документалках, потому что ее невозможно доказать. Ее можно только пережить.

Мы поехали в кафе. Сели у окна. Заказали кофе.

И начали говорить.

Не о погоде. Не о работе. Не о том, кто где был и что видел. Мы начали говорить о том, о чем обычно молчат. О страхах. О детях. О том, что ломает нас по ночам. О том, чего мы боимся больше всего.

Я смотрела на его руки. На то, как он держит чашку. На то, как он наклоняется вперед, когда говорит о чем-то важном. И не могла поверить: будто мы знаем друг друга уже не один год. Будто мы уже прожили вместе десяток жизней, а теперь просто встретились, чтобы вспомнить.

Он рассказывал о своей работе. О том, как устал. О том, что давно не чувствовал себя живым. Я слушала и кивала, потому что понимала каждое слово. Не потому, что у меня было то же самое. А потому, что я чувствовала его боль. Как свою.

— Ты знаешь, — сказал он вдруг, — я давно перестал верить в эту романтику. В любовь с первого взгляда. В судьбу.

В родственных душ.— Я тоже, — сказала я.— Мы взрослые люди.— Да.— Нам уже не до сказок.— Знаю.

Он усмехнулся. Я усмехнулась в ответ.

Но внутри меня что-то сопротивлялось. Что-то шептало: *«Врешь. Ты уже влюбилась. Ты просто боишься это признать»*.

Я отогнала эту мысль. Я же взрослая женщина. У меня дети. У меня работа. У меня есть жизнь, которая выстроена по часам. Я не та девчонка, которая теряет голову от первого взгляда. Я рациональная. Я практичная. Я знаю, как устроен мир.

Но он разучил меня быть практичной. Уже в тот день. Уже в том кафе. Уже за первый час разговора.

Кофе остыл. Мы просидели в этом кафе четыре часа.

За это время он рассказал мне о своем разводе. О том, как тяжело было. О том, что он до сих пор не понимает, что пошло не так. Я слушала и думала: *«Боже, это же я. Это же моя история»*.

Я рассказала ему о своих четырнадцати годах. О том, как мы с бывшим мужем жили как соседи. О том, как я разучилась чувствовать. О том, как однажды поняла, что больше не хочу так жить.

— А потом? — спросил он. — А потом я подала на развод. Забрала детей. И начала жить.

— И как? — Никак. Просто существовала. Работала. Воспитывала детей. Платила ипотеку. Спала. Просыпалась. Повторяла.

Он посмотрел на меня. Долго. Внимательно. И сказал: — А сейчас? — А сейчас... — я запнулась. — Сейчас, кажется, что-то меняется.

Он улыбнулся. Той самой улыбкой — уголками губ. И я поняла: он понял. Он понял то, что я сама еще не могла сформулировать.

Когда я вернулась домой, я села на кровать и долго смотрела в одну точку. Что-то произошло. Что-то случилось. Но я не могла это сформулировать.

Я достала телефон. Посмотрела на его контакт. *«Алексей М.»* Сухие, официальные буквы. Я хотела написать ему. Хотела сказать: *«Спасибо за вечер. Мне было хорошо»*. Но не написала. Потому что не знала, что это изменит. Потому что боялась, что если я скажу это вслух, магия рассеется.

Я легла в кровать. Выключила свет. Смотрела в потолок. И не могла уснуть.

В голове крутились обрывки разговора. Его голос. Его руки. Его глаза. Я закрывала их — и видела его. Открывала — и снова видела.

Я ворочалась. Вставала. Пила воду. Снова ложилась. Снова смотрела в потолок.

В три часа ночи я поняла: я не сплю. И не усну. Потому что я думаю о нем. О мужчине, которого видела всего один раз. Которого знаю всего несколько часов.

Я засмеялась. Тихо. Чтобы не разбудить детей.

«Ты с ума сошла», — сказала я себе. *«Тебе тридцать с лишним. У тебя дети. У тебя работа. Ты не та девчонка, которая не спит ночами из-за мужика»*.

Но я не спала. И думала о нем.

На следующий день я собирала вещи в отпуск. Чемодан был раскрыт, на кровати лежали легкие платья, купальники и косметичка. Я складывала их аккуратно, думая о том, что мне нужно сделать перед вылетом. Проверить билеты. Найти паспорт. Настроить себя на то, что я наконец-то отдохну.

«Отдохну». Смешное слово. После четырнадцати лет брака я не помнила, что такое отдых. Я помнила только усталость. Усталость от тишины. От пустоты. От жизни, которая проходит мимо.

Я хотела на море. Хотела лежать на песке, смотреть на волны и не думать ни о чем. Хотела выспаться. Хотела забыть.

И тут он написал.

Одно сообщение. Короткое. Я прочитала его, и внутри меня что-то оборвалось.

Я посмотрела на чемодан. Посмотрела в окно, где начи-

нался теплый, внезапный летний дождь. Посмотрела на телефон.

И поняла, что никуда не хочу ехать. Не сейчас.

Не потому, что не любила море. А потому, что мне нужно было увидеть его. Еще раз. Хотя бы на час. Хотя бы на десять минут. Мне нужно было убедиться, что он настоящий. Что это не галлюцинация. Что это не игра моего уставшего мозга.

Я бросила сбор вещей. Схватила куртку, зонт и пошла к нему.

Мы гуляли под дождем. Смеялись. Говорили о ерунде. Он покупал мне горячий кофе в ларьке, потому что я продрогла под летним ливнем. Я держала стакан двумя руками, и он смотрел на меня так, будто я была самым красивым, что он видел в жизни.

Дождь барабанил по асфальту. Капли стекали по волосам, по лицу, по куртке. Мы промокли до нитки, но нам было все равно. Мы смеялись, как дети. Как два идиота, которые забыли, что им по тридцать с лишним.

Это было так весело. Так по-детски классно. Я смеялась до слез, чувствуя, как из меня уходит напряжение последних лет. Как будто я несла на себе огромный рюкзак, а кто-то подошел и снял его. И я вдруг поняла, как он был тяжелым. Как я устала его нести.

Вечером он проводил меня до дома. Мы стояли у подъезда, и он обнимал меня.

Мы оба раньше говорили, что не любим эту приторную тактильность. Что это сковывает. Что мы независимые взрослые люди, которым не нужны обнимашки.

— Ты же говорила, что не любишь обниматься, — сказал он.— Говорила, — согласилась я.— И я говорил.— Знаю.

Мы стояли и обнимались. И я понимала, что все, что я говорила раньше — ложь. Что я люблю обниматься. Что я люблю его руки на своей талии. Что я люблю, когда он дышит мне в шею.

— Завтра улетаешь? — спросил он.— Да.— Надолго?— На неделю. В отпуск.

Он кивнул. Отступил на шаг. Посмотрел на меня.

— Напиши, как долетишь.— Хорошо.

Я развернулась и пошла к подъезду. Но на лестнице остановилась. Обернулась. Он все еще стоял там. Смотрел на меня.

И я поняла: я не хочу улетать. Я хочу остаться. Хочу, чтобы он был рядом. Хочу, чтобы завтра утром он написал мне «доброе утро». Хочу, чтобы вечером мы снова гуляли под дождем.

Но я не сказала этого. Потому что я же взрослая женщина. Потому что я не могу позволить себе так чувствовать. Потому что у меня дети, работа, ипотека. И билеты, которые нельзя сдать.

Я поднялась в квартиру, села на кровать и долго смотрела в телефон. На раскрытый чемодан с летними платьями.

Завтра я улечу. На неделю. Целую неделю без него.

Я не знала, что будет дальше. Я не знала, выдержит ли

это. Я не знала, смогу ли я неделю не видеть его, находясь на другом конце света.

Но одно я знала точно.

Что-то случилось. Что-то произошло. И я уже не смогу жить так, как жила раньше.

Я взяла телефон и посмотрела на его контакт. *«Алексей М..»*

И в тысячный раз подумала о том, как хочу стереть эти буквы. Как хочу написать одно слово.

Но не написала.

Пока не написала.

Потому что я боялась. Боялась, что если назову его так, магия рассеется. Боялась, что он услышит мои мысли и испугается. Боялась, что я слишком быстро, слишком сильно, слишком...

Слишком поздно.

Я уже любила его. А он еще не знал.

ГЛАВА 2. Неделя тишины и Питерский экспромт

Самолет взлетел, и город подо мной превратился в серую мозаику. Я откинулась на спинку кресла, закрыла глаза и попыталась расслабиться. Завтра меня ждало море, солнце, коктейли с зонтиками и семь дней полной свободы от работы, детей и быта.

Но внутри меня было беспокойно.

Я достала телефон. Экран был чистым. Ни одного сообщения. Мы расстались вчера вечером у подъезда, и с тех пор — тишина. Я смотрела на его контакт. *«Алексей М.»* Сухие, официальные буквы. Палец завис над экраном. Написать первой? Не написать? Что я скажу? *«Привет, я в самолете»*? Звучит как отчет для начальника. *«Скучаю»*? Слишком рано. Слишком честно.

Я убрала телефон и закрыла глаза.

Первое утро отпуска началось не с кофе и не с вида на

море. Оно началось с вибрации телефона на тумбочке.

Я открыла глаза, потянулась к экрану, и сердце пропустило удар.

«Доброе утро».

Три слова. Никаких смайликов, никаких восклицательных знаков. Просто три слова. Но я лежала в чужой постели, в чужой стране, за тысячи километров от него, и улыбалась телефону, как идиотка.

Я написала в ответ то же самое. *«Доброе утро».* И тут же поняла, что мы с ним говорим на одном языке. Языке недосказанности, где три значат больше, чем сто.

Второе утро. *«Доброе утро».* Третье. *«Доброе утро».*

Это стало ритуалом. Я просыпалась раньше, чем будильник, и лежала, глядя в потолок, ожидая вибрации. Сердце начинало биться чаще, еще до того, как я брала телефон в руки. Я знала: сейчас. Сейчас он напишет. И когда на экране появлялись эти три буквы, внутри меня что-то успокаивалось. Будто он был рядом. Будто он гладил меня по голове, хотя между нами были тысячи километров.

Мы писали весь день. О пустяках. О погоде. О том, что я увидела за окном. О том, что он ел на завтрак. Но за пустяками проступало что-то другое. Что-то, чему я не могла дать названия.

— Ты спишь? — писал он поздно вечером. — Нет, — отвечала я. — Я тоже не сплю. Думаю о тебе.

Я читала эти слова, и они ложились мне на кожу, как тепло. Я никогда не позволяла себе такой роскоши — думать о мужчине целыми днями. Четырнадцать лет брака научили меня тому, что мысли о человеке — это трата энергии. Что любовь — это действие, а не чувство. Что нужно делать дела, а не витать в облаках.

Но он разучил меня быть практичной.

Он снился мне каждую ночь.

Сны были странными, почти осязаемыми. Я чувствовала его запах — тот самый, из машины. Кожу, парфюм, что-то теплое. Я чувствовала, как его рука лежит на моей талии. Как он дышит мне в затылок.

Однажды я проснулась в три часа ночи с ощущением, что он только что был здесь. Что я слышала его голос. Я села на кровати, огляделась в темноте номера, и на секунду мне стало страшно. Не потому, что его не было. А потому, что я так сильно хотела, чтобы он был.

Я лежала, глядя в потолок, и думала: *«Что со мной?»*.

Мне тридцать с лишним. У меня дети. У меня работа. У меня есть жизнь, которая выстроена по часам. Я не та девушка, которая не спит ночами из-за мужика. Я взрослая женщина. Я должна быть рациональной.

Но рациональность не работала.

Весь отпуск я думала только о нем. Я гуляла по незнакомым улицам, смотрела на достопримечательности, ела местную еду, но всё это было фоном. Главным было то, что происходило внутри меня. То, как я ждала вечера, чтобы написать ему. То, как я перечитывала его сообщения. То, как я ловила себя на том, что сравниваю всех мужчин вокруг с ним.

И все они проигрывали.

Я так хотела вернуться в Россию. Не домой. Не в свою

привычную жизнь. Я хотела вернуться к нему. К мужчине, которого видела вживую всего два раза.

Я вернулась раньше, чем планировала.

Отпуск еще не закончился, но я уже не могла сидеть в чужом городе. Мне нужно было его увидеть. Мне нужно было убедиться, что он настоящий. Что это не галлюцинация, не фантазия, не игра моего уставшего мозга.

Мы встретились. Он пришел раньше, сидел у окна, пил кофе. Когда я вошла, он поднял глаза, и я увидела, как он улыбается. Не широко, не напоказ. Уголками губ. Так, как улыбаются только своим.

— Привет, — сказал он.— Привет, — сказала я.

Мы просидели в этом кафе четыре часа. Кофе остыл три раза. Мы говорили обо всем и ни о чем. О детях, о работе, о том, какие мы оба чокнутые. Он рассказывал истории из своей жизни, и я смеялась так, как не смеялась годами.

А потом он сказал:— Поехали со мной в Питер.

Я замерла.

— Куда?— В Питер. На выходные. Поехали.

В голове пронеслось тысяча мыслей. *«Это слишком быстро. Мы знакомы всего месяц. Это неправильно. Что подумают люди? Что подумают дети? Что подумает он, если я соглашусь?»*.

Я молчала.

— Ну? — он посмотрел на меня с легкой усмешкой.— Я... не знаю, — выдавила я.— Чего не знаешь?— Не знаю, стоит ли.

Он пожал плечами.— Как хочешь.

Я ушла от разговора. В тот вечер мы не вернулись к этой теме. На следующий день он спросил снова.— Ты подумала насчет Питера?— Я еще не решила, — сказала я.

И снова ушла от ответа.

Я боялась. Я боялась, что если соглашусь, магия рассеется. Что в бытовке, в поезде, в гостинице он окажется другим. Что он храпит, или не чистит зубы, или говорит во сне. Что я

увиджу в нем обычного мужика, а не того, кем он был в моих снах.

А еще я боялась другого. Я боялась, что в третий раз он и не спросит. Что это была просто вежливость. Что он предложит из вежливости, а откажется — из облегчения.

Но он спросил в третий раз.

Мы сидели в машине, и он смотрел на дорогу. Потом повернулся ко мне и сказал:— Поехали в Питер. В эти выходные. Я не отстану.

Я посмотрела на него. На его профиль, на то, как он сжимает руль. И поняла, что я больше не могу сопротивляться.

— Ладно, — сказала я.— Что «ладно»?— Поехали.

Он улыбнулся. Той самой улыбкой, уголками губ.— Вот и отлично.

Питер встретил нас ветром и серым небом. Нева была свинцовой, небо — низким, и казалось, что город специально создан для того, чтобы в нем гулять под дождем и гово-

ритель о вечном.

Мы гуляли по набережным. Заходили в маленькие кофейни. Смеялись над глупыми вывесками. Он покупал мне горячий шоколад, потому что я мерзла. Он держал меня за руку, и я не отдергивала ее, хотя раньше всегда отдергивала.

В тот вечер мы вернулись в гостиницу. Было поздно. Мы стояли у двери моего номера, и он обнимал меня.

— Зайди ко мне, — сказал он. Я кивнула.

Мы лежали в его кровати, и он обнимал меня всю ночь. Я слушала, как он дышит. Как бьется его сердце. И думала о том, что это было незабываемо. Нежно. С любовью, которую страшно было произнести вслух.

Я лежала, глядя в темноту, и понимала: я пропала. Я повязла в нем, как в омуте. И не хотела выплывать.

Утром я проснулась раньше него. Он спал, уткнувшись лицом в подушку, и дышал ровно. Я смотрела на него и думала о том, как странно устроена жизнь.

Четырнадцать лет я была с другим мужчиной. Четырнадцать лет я думала, что знаю, что такое любовь. Что любовь — это привычка. Что любовь — это когда ты знаешь, чем человек будет завтракать.

Но сейчас, глядя на спящего Алексея, я понимала, что не знала ничего.

Любовь — это не привычка. Любовь — это когда ты не можешь спать ночью, потому что думаешь о человеке. Это когда ты ждешь его сообщения, как школьница. Это когда ты готова бросить все и поехать за ним в другой город, лишь бы быть рядом.

ГЛАВА 3. Запись в телефоне

Мы вернулись из Питера поздно вечером. Он проводил меня до подъезда, обнял, уткнулся носом мне в волосы и сказал:— Зайди домой. Напиши, как доберешься.— Я уже дома, — усмехнулась я.— Ну тогда напиши, что дома.

Я кивнула, развернулась и пошла к двери подъезда. Но на полпути остановилась. Обернулась. Он все еще стоял там. Смотрел на меня. Руки в карманах, воротник куртки поднят от ветра.

И я поняла: я не хочу подниматься вверх. Я хочу, чтобы он поднялся вместе со мной. Хочу, чтобы он остался. Хочу, чтобы завтра утром я проснулась, а он был рядом.

Но я не сказала этого. Я поднялась в квартиру, разделась, села на кровать и долго смотрела в одну точку.

В квартире было тихо. Слишком тихо. После Питера, где мы были вместе каждые двадцать четыре часа, эта тишина казалась оглушительной. Я достала телефон. Посмотрела на его контакт. *«Алексей М..»*

И в этот момент я поняла: я больше не могу так. Не могу

называть его просто «Алексей». Не могу прятать его за сухой инициал «М.». Потому что он — не просто Алексей. Он — мой.

Я нажала «Переименовать». Стерла буквы. И написала одно слово.

«Любимый».

Я смотрела на это слово и не могла поверить, что сделала это. Я никогда никого так не записывала. Никогда. Даже бывшего мужа, с которым прожила четырнадцать лет, я не называла «Любимый». Он так и остался в моем телефоне просто «Илья». Просто имя. Без эпитетов. Без любви.

А этот — за два месяца — стал «Любимым».

Я закрыла глаза и прижала телефон к груди. Будто это была не трубка, а он сам. Будто я могла почувствовать его тепло через экран.

Через две недели мы поехали в Чебоксары. На выходные. Просто так. Просто потому, что нам нужно было быть вместе.

Мы сняли номер в отеле с видом на Волгу. Вечером сидели на балконе, пили вино и говорили. Говорили о том, о чем обычно молчат. О страхах. О детях. О том, что нас сломало. О том, чего мы боимся больше всего.

Он рассказал мне про свою работу. Про то, как устал. Про то, что давно не чувствовал себя живым. Я слушала и кивала, потому что понимала каждое слово. Не потому, что у меня было то же самое. А потому, что я чувствовала его боль. Как свою.

Я рассказала ему про свой брак. Про четырнадцать лет, которые превратились в привычку. Про то, как я разучилась чувствовать. Про то, как он вернул мне эту способность.

Мы говорили до рассвета. И я поняла: мы стали ближе. Не просто физически. Не просто эмоционально. Мы стали родными. Будто мы знали друг друга всю жизнь, а теперь просто вспомнили.

Но чем ближе мы становились, тем сильнее был мой страх.

Страх потери. Страх, что это закончится. Страх, что он

уйдет. Страх, что я слишком сильно влюбилась, а он — нет.

Этот страх жил во мне постоянно. Он просыпался вместе со мной утром и засыпал вместе со мной ночью. Он шептал мне: *«Не расслабляйся. Не верь ему. Он уйдет. Все уходят»*.

Особенно сильно этот страх просыпался вечером. Когда он не писал «спокойной ночи».

Раньше он писал каждый вечер. *«Спокойной ночи, любимая».* Или просто: *«Спокойной ночи».* И я засыпала с ощущением, что он рядом. Что он думает обо мне. Что он хочет, чтобы я спала спокойно.

Но потом он перестал. Не каждый вечер. Но иногда. И я начинала сходить с ума.

Я лежала в кровати, смотрела в телефон и думала: *«Почему он не пишет? Что случилось? Он злится? Он устал? Он передумал? Он встретил кого-то?»*.

Я начинала копаться в себе. Анализировать каждое свое слово, каждый взгляд, каждое действие. *«Может, я сказала что-то не то? Может, я была слишком навязчивой? Может, я его достала?»*.

Я знала, что это иррационально. Я знала, что он просто устал. Что он просто забыл. Что он просто уснул раньше меня. Но страх не слушал логику. Страх шептал: *«Он уйдет. Все уходят»*.

Но потом он возвращался. Утром. С сообщением: *«Доброе утро».* И я выдыхала. Я понимала, что он никуда не ушел. Что он здесь. Что он мой.

И я злилась на себя. На свою неуверенность. На свои страхи.

Я ведь вроде красивая. В целом успешная. У меня есть работа, деньги, дети, квартира. Я должна быть уверена в себе. Но в плане отношений я была такой неуверенной. Потому что столько негативного опыта. Потому что бывший муж столько лет внушал мне, что я недостаточно хороша. Что я слишком требовательная. Что я слишком эмоциональная. Что я слишком...

И отсюда — страхи. И самокопание. И вечный вопрос: *«А вдруг он уйдет?»*.

Но потом он обнимал меня. И все страхи исчезали.

Мы лежали в кровати, и он обнимал меня всю ночь. Я чувствовала его руку на своей талии. Его дыхание на моей шее. Его тепло.

Однажды он спросил:— И не надоело ли тебе за два месяца обнимать и целовать меня?— Ни капли, — сказала я.— Правда?— Правда. Я хочу, чтобы ты обнимал меня всегда.

Он усмехнулся. Прижал меня ближе. И я поняла: я не вру. Я действительно хочу, чтобы он обнимал меня всегда. Потому что в его объятиях я чувствую себя в безопасности. Потому что в его объятиях я чувствую себя дома.

От моей подушки пахло им. Он оставил ее у меня после одной из ночей, и я не могла с ней расстаться. Я засыпала, уткнувшись лицом в эту подушку, и вдыхала его запах. Это был нереальный кайф. Будто он был рядом. Будто он обнимал меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.